

Пролог

Прятаться в шкафу было плохо: места мало, дверцы закрывались неплотно, и появлялась реальная угроза оказаться пойманной. Недавно я нашла новое убежище за козеткой в стенной нише. Козетка давно на ладан дышала и в галерее стояла исключительно для заполнения места. Я уже два раза за ней укрывалась, и ни разу не поймали. Жаль, что сегодня не успела добежать.

Дверь классной комнаты раскрылась неожиданно, с тревожным скрипом. Я поджала коленки к подбородку и ненадолго затаила дыхание, стараясь лучше расслышать шаги: тяжелые, легкие, стучат ли каблукы? Кто это вообще явился и по мою ли душеньку?

Человек ходил туда-сюда, выдвигал ящики, открывал полки — видимо, что-то искал. Без раздражения, неторопливо. Вдруг он остановился напротив моего убежища и заслонил собой тонкую полоску света, пробившуюся сквозь щелку между створками.

Господи, пусть он просто пройдет мимо. Очень-очень прошу!

С высшими силами у нас никогда диалог не складывался: они или страдали глухотой, или игнорировали именно меня. В этот раз молитвы вновь не помогли, и дверцы резко раскрылись. В шкаф хлынул чистый дневной свет классной комнаты.

От внезапной острой паники я отпрянула к стенке, инстинктивно стараясь увеличить расстояние между собой и тем, кто меня обнаружил. Однако тайник раскрыла вовсе не кузина Эбигейл и даже не кузен Вайрон, у которого появлялось буквально собачье чутье, когда дело касалось поисков «трусистишки Энни». Сверху вниз колючим взглядом меня изучал воспитанник деда Парнаса.

Высокий, худощавый, русые волосы собраны в небрежный пучок, заколотый деревянной палочкой-булавкой. В мочке уха висела сережка, как у девчонки. Я не очень-то понимала, зачем парню в ухе кольцо, но не мне, честно говоря, судить. Если бы он вставил сережку в нос, ему бы и слова никто не сказал. Кaleb Грэм не был нам даже дальней родней — посторонний мальчик, после смерти его родителей привеченный в замке. Он и вел себя как посторонний, но в отличие от меня, его любили и никогда не называли «приблудышем».

Вообще, он здесь почти не жил — второй год учился в магической академии и приезжал только на каникулы. Я слышала, как кузина Арветта говорила, будто Кaleb чудовищно красивый. Не знаю, что насчет красивого, но мне он точно казался чудовищем. Пусть он и умел притворяться нормальным поллучше остальных, монстра, живущего внутри, выдавал холодный, высокомерный взгляд. И я старалась держаться от приемыша подальше. Даже сейчас хотелось выдавить лопатками стенку шкафа, чтобы увеличить дистанцию.

— И долго ты собираешься прятаться в шкафу, Эннари? — тихо спросил он.

Долго, всю жизнь! Безмерно люблю замкнутые пространства.

А еще мы оба знали, что в это замкнутое пространство меня заставила спрятаться вовсе не веселая игра в прятки с кузенами. Если из всех детей Истван только у *нагулянной* внучки великого светлого мага Парнаса пока еще не пробудился дар, то пиши пропало! В нашем замке, как на петушиных боях, выживал сильнейший, а я была самая слабая...

И приبلудная.

Вот же заклинило! Это от сильного нежелания оказаться выданной.

Из коридора донесся безнадежно ломающийся голос Вайрона:

— Эбби, уверен, я ее видел где-то здесь! Может, она забежала в классную комнату?

Кaleb обернулся через плечо, потом вопросительно посмотрел на меня. Я кусала губы и мысленно молила, чтобы он промолчал. Не надо помогать, не надо вмешиваться — ничего такого не надо! Просто закрыть шкаф и уйти из классной комнаты, а если вдруг походя проснется человеколюбие, то сбить стаю со следа и отправить куда-нибудь подальше в замковое подземелье. Пусть они там всласть побродят под хоровое всхлипывание Люсиль и Арветты.

— Послушай, — выдохнула я хрипловатым шепотом, — ты можешь просто закрыть шкаф?

Не разрывая зрительного контакта, Кaleb вытащил с полки над моей головой какой-то учебник и закрыл дверцы. В узкой щелке между створками вспыхнула полоска света, когда он отошел. По наборному паркету прошелестели шаги, скрипнула открытая дверь классной комнаты.

— Кaleb, ты видел Эннари? — голос у Вайрона был таким же мерзостным, как он сам.

Не выдавай меня! Пожалуйста, пожалуйста, пож...

— Она в шкафу, — бросил этот урод и теперь действительно ушел.

Сердце забилося как припадочное, и нахлынули эмоции. Разные, незнакомые, темные. Не вдохнуть от них и не выдохнуть.

— Тук-тук, — говорила Эбигейл. — Мы идем, трусишка Энни. Ты готова к стрижке? Я взяла самые острые ножницы.

Внутри у меня вдруг стало тихо-тихо. Как перед грозой, когда точно знаешь, что вот-вот рванет гром, и тревожно задерживаешь дыхание в ожидании этого басовитого переката, вызывающего желание броситься в укромное место...

Ярость, как тот самый гром, зарождалась медленно, заворачалась где-то в районе солнечного сплетения, скопилась, набрала силу, а потом прошила и разум, и тело. Дверцы раскрылись сами собой и, ударив по протянутым рукам Эбигейл, заставили ее с болезненным оханьем отпрянуть от шкафа.

— Что-то вы сегодня долго. — Я не узнала своего голоса, и в обычные дни довольно низкого для одиннадцатилетней девочки. — У меня уже ноги затекли...

А ведь не зря меня не любили в замке! Похоже, родственники подсознательно догадывались, какого цвета дар проснется в приبلудыше покойной чародейки Риэллы Истван, самой непослушной дочери великого Парнаса. Какая, право, ирония: в большой стае прославленных светлых магов, кичащихся чистотой крови, появилась маленькая ведьма!

Глава 1

ВОЗВРАЩЕНИЕ БЕЗ ЗАПАСНОГО ПЛАНА

Как у любого темного мага, у меня давно сложились собственные принципы.

Не одеваться вызывающе.

Мой друг — мой единственный друг — Холт Реграм однажды сказал, что самая пугающая ведьма та, в которой с первого взгляда не распознаешь ведьму. С тех пор единственное, что я себе позволяла из кричащего, — карминовые губы и высокие каблуки.

Отсюда еще один принцип: гибкость принципов.

И последнее! Не верить в приметы светлых чародеев.

Однако по другую сторону магического портала обнаружился Калевб Грэм, и поверье о черных котях, перебегающих дорогу хорошим людям, мгновенно всплыло в памяти. В голове родилась настойчивая мыслишка: «Не к добру», и настроение закономерно испоганилось. Не то чтобы в обычные дни меня мучили оптимизм или человеколюбие.

Калевб, не подозревающий, сколько произошло изменений за те ярды, что мне пришлось преодолеть, чтобы оказаться на расстоянии вытянутой руки, по-прежнему стоял по-военному, заложив руки за спину. Каменный, холодный и неприступный, как замок Истван, откуда девять лет назад я была сослана на учебу на другой конец света.

— Добро пожаловать домой, Эннари, — произнес он, не сводя глаз с моих накрашенных кроваво-красной помадой губ.

Пока в академии для темных Деймран я превращалась в колдунью, достойную цвета своей магии, дедовский воспитанник из долговязого парня с серьгой в ухе превратился в привлекательно статного мужчину без серьги. Мне нравились его новые широкие плечи, а старая прическа с небрежным пучком — нет. Еще он был высок, и приходилось поднимать голову, чтобы разглядеть благородное лицо.

— Ты ждал под воротами с рассвета? — впервые за девять лет заговорила я с человеком, из-за которого на долгие годы оказалась выставленной из дома.

— Да.

Я понятия не имела, в каком часу доберусь до перехода из Деймрана, и в письме к деду обозначила только день. Зато дорожные сундуки отправила еще на прошлой неделе, чтобы любимые родственники готовились к моему возвращению. Морально, конечно, а не кидались устраивать генеральную уборку в гостиных. Надеюсь, они уже обнаружили сюрприз.

— Зря Парнас попросил тебя приехать. Не стоило переживать, я не чувствую себя незваной гостьей.

— Он не просил, — коротко произнес Калев. — За девять лет город сильно изменился.

— И что, извозчики забыли дорогу в Истван?

Между нами повисло молчание. Прозрачно-льדיстые глаза Калеба продолжали оставаться прозрачными и льдистыми. Потрясающее постоянство. И у меня вырвался громкий издевательский смешок.

— Ты всегда такой серьезный? Идем, мне не терпится оказаться дома.

Легкий дорожный саквояж плюхнулся на пол, а я грациозно зашагала в сторону выхода. Калепб остался на месте, словно с рассвета пустил корни и врос в каменный пол. С некоторым недоумением он смотрел на кожаную сумку.

— Что ты его изучаешь? Он не заколдован, — подогнала я. — Бери и пойдем.

— Разве ты не должна попросить о помощи? — изогнул Калепб брови.

— Разве? — Я кивнула: — Помоги.

— Пожалуйста, — добавил он.

— Забыла, как это слово произносится на сартарском языке, — улыбнулась я. — К слову, у тебя прекрасные манеры. Научился у супруги?

Он одарил меня выразительным взглядом, подхватил саквояж и кивнул:

— Идем.

— Ты, выходит, не женат? — догадалась я, не пытаясь подстроиться под его уверенные широкие шаги. Пусть сам подстраивается.

— Никогда не был, — сухо бросил он.

— Сожалеешь?

— Нет.

— Тогда почему такой скорбный вид? Тебя бросили у алтаря?

Он быстро огляделся, словно боялся, что на нас будут коситься люди.

— Темные маги всегда бесцеремонные?

— Да ты сноб, светлый чародей Калепб Грэм, — издевательски ухмыльнулась. — Мы не виделись девять лет, я просто поддерживаю дружескую беседу. Хотя мы же друзьями не были, да?

— Смотрю, у тебя хорошая память, — хмыкнул он.

— Верно. Память у меня превосходная. — Я рассматривала под высоченным потолком колышущиеся от сквозняка королевские стяги. — Прекрасно помню людей, которые мне не нравятся.

— Я тебе не понравился?

Неужели в его голосе прозвучала насмешка? Почти с восхищением я повернулась к Калебу.

— Нет, но ты красивый. Арветта была права.

Он подавился на вздохе и, кашлянув в кулак, тихо сказал:

— Твои прямолинейные комплименты восхищают.

Я глянула на него с искренним недоумением:

— Ты всегда восхищаешься констатацией фактов? Ты красивый. Ты мне не нравишься. Мы молчим.

— Последнее тоже констатация факта?

— Да.

Пожалуй, этот разговор был самым длинным из тех, что мы вели с момента знакомства. Я считала дань хорошим манерам полностью отданной и свернула «дружескую» беседу. Ступить на родную землю впервые за девять лет можно было только один раз. Второго я точно не планировала, поэтому не стоило тратить драгоценные моменты единения на полузабытых врагов. Надо отдать Калебу должное, он погрузился в чудное молчание и талантливо исполнял роль носильщика саквояжа без лишних обсуждений цвета сумочной кожи, удобства ручки и веса содержимого.

Карета с гербом семьи Истван, знаменитого на все королевство ковена светлых чародеев, дожидалась нас напротив раскрытых ворот магического вокзала. Здание представляло собой уныло-серую

башню с длинным шпилем, вокруг которого закручивалась спираль из свинцовых густых облаков. От этой тучи свет на улице был сизым и потухшим, словно в середине в общем-то ясного дня народились предгрозовые сумерки.

Прежде чем забраться в карету, я прикрыла глаза и, на секунду затаив дыхание, прислушалась к внутренним ощущениям. Холт говорил, что, ступив на родную землю, я почувствую упоительный прилив сил. Понятно, что темным магам даже темные маги не верят, но вдруг...

Воздух вдруг затрещал, от открытой дверцы кареты ударило ощутимым разрядом, под ногами загудела брусчатка. Чье-то перемещение перехватило бесхозные магические потоки! Я сердито задрала голову и сощурилась на дурацкий шпиль, из острия которого в черную воронку бил серебристый луч.

Жаль, вокзал нельзя проклясть. Нет, конечно, можно, если очень хочется. Кто мне запретит? Но ведь загребут в застенок, объявят сумасшедшей и лишат силы.

И я просто забралась в экипаж, проигнорировав протянутую для помощи руку Калеба. Не ради демонстрации независимости и не из гордости — я не страдала подобными глупостями — обычно темным чародейкам старались не подавать руки и вынуждали проявлять самостоятельность. В общем, привычка взяла свое, и рыцарство осталось незамеченным. В отличие от перстня со знаком рода Истван, выгравированным на крупном квадратном рубине.

— Почему ты так на меня посмотрела? — усаживаясь напротив, спросил Калеб.

— Как? — сухо уточнила я, расправляя на коленях платье.

— Нехорошо. Как только что смотрела на башню перемещений.

— Вы очень похожи.

— Она тоже красивая?

— Калев, напомним, какая у тебя была специализация в магии? — ответила вопросом на вопрос.

Обычно во время перепалок терпение у меня заканчивалось быстрее аргументов и в ход шло какое-нибудь мелкое незаметное проклятие. Но проклинать бывшего врага с порога, даже — так сказать — не попив кофейку, не хотелось.

— Я окончил академию семь лет назад, Эннари, — мягко отбрил он.

— То есть ты уже не помнишь?

— Защитные чары от черной магии, — не лукавя, внес он ясность, что и с памятью у него все хорошо, и со смелостью. Защитные заклятия не забыл, а темных чародеев не боялся.

— Дивно, — с пресной миной буркнула я и отвернулась к окну.

Экипаж тронулся и покатился по столичным улицам. Стоило отъехать подальше от вокзала, как небо очистилось и появилось предзакатное солнце, медленно оседающее за двускатные черепичные крыши.

Перемещаться в пространстве разрешали только за городской стеной, и экипажу, опутанному порталным заклятием, приходилось без магии преодолевать заторы. Я в полной мере успела оценить незаметные изменения: девять лет назад здания не помечали магическими знаками светлых или темных. Все жили вперемешку, без разделений, а колдовские лавки ведьм и дворики темных алхимиков соседствовали со знахарскими приемными и мас-

терскими светлых артефакторов. Не сказать чтобы я сильно взволновалась — в королевстве, приютившем меня на девять долгих лет, ведьмаки и чародеи селились в разных городах и следили за соблюдением границ.

Когда мы наконец выехали на широкий торговый тракт, воздух вновь затрещал, и карета с сильным толчком переместилась на дорогу к замку, спугнув с засохшего дуба стаю ворон. Те, в свою очередь, подняли негодующий галдеж. Я сама была готова закаркать от возмущения и вцепилась в сиденье, чтобы не слететь под ноги Калеба. Зато сразу стало ясно, почему он уселся спиной по ходу экипажа.

— Что за безрукая скотина накладывала заклятие? — выругалась под нос.

— Парнас.

— Кхм, — глубокомысленно промычала я и, стряхивая с рукава колючие искорки чужой магии, пробормотала себе под нос: — Стареед дед.

— Сейчас самое время, — вдруг произнес Калеб и подсказал, видимо, не углядев в моем лице понимания, которого в нем, конечно же, не было: — Для вопроса, что происходит в замке.

Знаю я вас, светлых! Сначала с участливым видом предлагаете помощь на грош, а потом выставляете счет на мешок золотых и искренне удивляетесь, почему вас от души проклинаят.

— В смысле, в Истване происходит что-то еще, кроме моего возвращения? — изогнула я брови.

— Ты главное событие, — согласился Калеб.

— Значит, с остальным разберусь на месте.

Я снова отвернулась к окну, но долгожданный и трепетный момент был упущен: замок, тяжеловесный гигант из серого камня, нависающий над озе-